УДК 94(571.12)

Е. Е. Науменко

ВВЕДЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮГОРСКОГО СЕВЕРА: ОПЫТ ЕКАТЕРИНЫ II

В статье на основе документальных и нумизматических источников рассматриваются механизм реализации денежного обращения у народов ханты и манси, проживающих в Югре, и результаты реформы 1769 г. Впервые представлен анализ коллекции монет из фондов Музея природы и человека Сургутского р-на Югры, на основе которых автор систематизирует виды ритуальных жертвоприношений деньгами и делает вывод о невозможности проведения реформы в тот период без ущерба для культуры и самобытности народов Севера. Это стало одной из причин для отказа от продолжения реформы и изменило отношение государства к культуре народов Севера.

Ключевые слова: денежная реформа 1769 г., ханты, манси, обские угры, вогулы, остяки, монеты, ассигнации, шаманизм, Югра.

Исторически Югра представляет собой один из наиболее значимых регионов для экономического развития России. В прошедшие века она поставляла драгоценную пушнину, в настоящее время – поставляет нефть. Важность Югры отражается в одном из титулов русских царей: с XVII в. они именовались «князьями Югорскими», так что любые финансово-экономические преобразования на территории региона имели стратегическое значение.

Правление Екатерины II вошло в историю как образец государственной мудрости, что подтверждается многочисленными продуманными и результативными реформами в различных сферах жизни российского общества [Bortnikova 2012, Zarcone 2000, Neumann 1993, Schiewer 1992, Stralenberg 1930, Frank 2000, Lugat at turk 1930 и др.]. В 1769 г. Екатерина II начала реформу, предполагавшую введение по всей территории России бумажных ассигнаций, а также создание денежной системы непосредственно для Сибири. Реформа эта потерпела неудачу при попытке ее реализации для коренных народов Севера и стала одним из немногих управленческих решений, от реализации которых императрице пришлось отказаться не только ввиду ошибочности их принятия, но и из опасения поставить культуры традиционных народов под угрозу разрушения.

Источниковая база исследования включает документальные материалы, этнографические и нумизматические источники по культуре обских угров, содержащиеся в фондах Музея Природы и Человека деревни Русскинская Сургутского р-на Югры. Статья построена на основе цивилизационного методологического подхода. Применительно к теме исследования такой подход объясняет возникший при реализации денежной реформы конфликт культур. Цель статьи – рассмотреть реализацию и результаты денежной реформы 1769 г. у обских угров, проживающих на территории Югры (современный Ханты-Мансийский автономный округ) и исповедующих шаманизм. Этническая общность «обские угры» включает в себя народы ханты (остяки) и манси (вогулы).

Денежная реформа 1769 г., реализованная в Европейской части Российской империи, достаточно хорошо освещена в историографии и частично – применительно к отдельным регионам. История сибирской нумизматики отражена в работе Н. Л. Конькова [Коньков 2001]. В 2009 г. вышла монография Д. Мизгулина и А. Вычугжанина по истории банковского дела Югры, где авторы затронули проблему кредитования и торговли у хантов и манси, подчеркивая доминирование бартерных сделок. Авторы констатировали факт, что денежные обменные операции в Югре не имели успеха, но без объяснения его причин [Мизгулин, Вычугжанин 2009]. Тема бартера как «немонетного» обмена продолжена в других исследованиях [Tsys 2015 и др.], однако они не касаются денежного обращения и посвящены более позднему периоду (XIX – нач. XX вв.). Остались невыявленными причины неудачи реформы на Обском Севере, в том числе культурно-религиозные факторы, воспрепятствовавшие введению там денежного обращения, а также политика Екатерины II относительно культуры аборигенов.

Денежная реформа фактически началась в Югре в 1766 г., когда специально для Сибири в районе Екатеринбурга начали печатать особую медную монету достоинством от полушки до 10 копеек [Монеты Российской империи… 2009: 5]. Они были меньшего, чем обычно, размера и включали изображение соболей, входивших в герб Сибири и являвшихся в регионе эквивалентом обмена. В 1769 г. в России были введены бумажные деньги, а в 1776-м – открыта в Тобольске единственная на Западную Сибирь Променная контора, где ассигнации можно было обменять на медные монеты [Мифы… 1990, 30].

Попытка введения денежного обращения в Югре была обусловлена необходимостью решить несколько экономико-управленческих задач.

Во-первых, требовалось урегулировать сферу товарного обмена у коренных народов Севера: пушнина давала значительный доход в российскую казну, но имела обширный теневой рынок. Уже на рубеже XVI–XVII вв. на высшем уровне государственной власти был принят ряд нормативных актов, первым из которых стал Указ Бориса Годунова от 1 января 1596 г. «О приеме в подать от ясачных людей соболей с хвостами», установивший доминирующую роль государства в этом процессе [Полный Свод… 1830, 216]. Но поскольку царское повеление не выполнялось, 9 апреля 1601 г. вступил в действие еще один, дублирующий указ, где отмечался факт: «…сибирских городов служилые люди ездят по городам, торгуют мягкою рухлядью беспошлинно…» [Пестерев 2005, 104]. В течение дальнейшего полуторавекового периода, в том числе до начала правления

Екатерины II, власти боролись с незаконной торговлей, угрожая сборщикам ясака смертной казнью, если они будут утаивать пушнину от казны, но безрезультатно [Кулемзин, Лукина 2016, 50]. Таким образом, операции с пушниной в Югре почти полностью перешли в теневую сферу; казна теряла огромные доходы, и государственная власть была бессильна остановить этот процесс. В 1769 г. упразднили институт ясачных сборщиков, но, помимо них, на Севере действовало много предприимчивых торговцев. Таким образом, бартерные сделки с аборигенами содействовали обогащению прежде всего частных лиц, а не казны. Кроме того, необходимо было вывести пушнину из обращения в качестве платежного средства и придать ей исключительно роль товара.

Во-вторых, в условиях укрепления и расширения Российской империи объективно появилась потребность в экономической интеграции всех проживающих в ней народов. Уже с XIII в. новгородские купцы пытались создать систему вассального подчинения хантов и манси: они периодически отправлялись завоевывать Югру, объясняя местным жителям, что они, как подданные Новгородской республики, обязаны платить ясак. Как только купцы возвращались на родину, обские угры прекращали поставлять пушнину и забывали о своем «подданстве». Ситуация повторялась регулярно после походов новгородцев в Югру в 1364-м, 1483-м, 1499-м годах и далее [Сказание 2005, 12], так что именно этот фактор стал основополагающим для создания на территории Югры постоянных русских поселений в ходе присоединения региона к России в кон. XVI в. В этих условиях единая денежная система казалась надежным средством для экономической консолидации регионов.

В ходе реализации реформы, в 1776 г., для Тобольской Променной конторы выделили 1 000 000 руб. в качестве уставного капитала – наибольшая сумма из 23 променных контор России [Мизгулин, Вычугжанин 2009, 30]. Были созданы дополнительные условия для развития денежного обращения: хождение сибирских монет в Европейской России запрещалось, а вскоре после начала реформы был открыт еще один монетный двор – Сузунский [Монеты Российской империи… 2009, 5].

Введение денежного обращения в Югре привело к неожиданному результату: ханты и манси адаптировали российские деньги к мировоззрению шаманизма, создав уникальную кредитную систему по примеру «коммуны». Деньги собирались в объемные клады на капищах, где происходили шаманские камлания, и служили средством неотложной помощи сородичам: монеты можно было брать у богов на неопределенный срок, причем без процентов. Возврат долга обеспечивался религиозным сознанием.

Исследователь Югры К. Д. Носилов в 1904 г. видел один из таких старинных кладов: «На шее идола оказалась целая куча дорогих, старых и новых, шелковых платков, повязанных, как у женщины, в углах которых было столько серебряных старых екатерининских и новых монет, что ими можно было наполнить добрую миску. Теплый меховой халат из соболей тоже был увешан платками, лоскутами парчи и разными кусками материй всех цветов, в углах которых уже было завернуто серебро. Но когда мы сняли с идола ягушку, то открыли настоящий клад серебра: оно так и посыпалось из всех дыр старинной материи, парчи и шелка, которыми было обвито его тело. Мы начинаем развивать его, вытягиваем один

кусок за другим…, и серебро, как дождь, уже черное от времени, сыплется вокруг нас на пол амбарчика. Боже, сколько добра, какая сумма трудовых денег вогула хранится в этом идоле! Тут старые рубли, тут и полтины, и злоты, и четвертаки, и монеты всех времен нашей империи. И все это стучало, падая на пол амбарчика и раскатываясь по его углам...» [Носилов 1904, 90–91].

В фондах Музея Природы и Человека с хантыйского капища сохранилось 39 серебряных и медных монет, отчеканенных с 1866 по 1896 г., из них 18 относилось к сибирской монете. Анализ номинала, вида, степени редкости позволяет определить приоритеты обских угров при подборе монет для жертвенных даров шайтанам (Табл. 1, 2).

Таблица 1

Российские монеты

Год чекан-ки	Музейный шифр	Номинал	Вес (гр.)	Диа-метр (мм.)	Тираж (шт.)	Наличие особенностей
1767	ХМ8047/1 ЕМ	5 копеек	49,29	43	37 млн. 13 тыс.	Хвост орла нестандартный, цифры года расставлены, «7» отклонена
1770	ХМ2317/3 ЕМ	5 копеек	52,32	42	48,5 млн.	В левом крыле орла 8 перьев направлены вверх, 4 – вниз
1776	ХМ8047/2 ЕМ	5 копеек	47,40	41	Не определен	Нет
1779	ХМ2317/6 ЕМ	5 копеек	47,99	40	37,5	Монета редкая. Перед годом в левом крыле орла 6 перьев направлены в сторону и вниз
1782	ХМ8047/3 ЕМ	5 копеек	41,57	40	37 млн.	Монета редкая. Перед годом в левом крыле орла 6 перьев направлены в сторону и вниз
1783	ХМ569 КМ	Деньга (медь)	6, 34	24	Не определен	Нет
1790	ХМ572 ЕМ	Деньга (медь)	4, 14	20	1,2 млн.	Нет
1791	ХМ1804 КМ	Деньга (медь)	5, 71	16, 5	Не определен	Нет
1793	ХМ 574/1 ЕМ	Деньга (медь)	5, 74	21	933 тыс.	Нет
1793	ХМ574/2 ЕМ	Деньга (медь)	4, 62	21, 5	933 тыс.	Нет

1790	ХМ5010 ЕМ	2 копейки (медь)	21, 04 г.	31 .	4, 8 млн. шт.	Монета редкая. Перед годом в левом крыле орла 6 перьев направлены в сторону и вниз
1790	ХМ2317/64 АМ	5 копеек (медь)	53,38	43	20 млн.	Буквы «АМ» крупные, цифры года «90» сближены
1791	ХМ8047/4 ЕМ	5 копеек (медь)	50,55	42	23,7 млн.	В левом крыле орла во втором ряду 3 пера направлены вверх, 5 вниз и в сторону
1793	ХМ574/4 КМ	5 копеек (медь)	54,47	41	4 млн.	Буквы «КМ» крупные и расположены ниже, чем обычно
1793	ХМ574/5 АМ	5 копеек (медь)	52,01	43	7,4 млн.	Корона выше, чем обычно, цифры года «93» расставлены
1796	ХМ576 КМ	5 копеек (медь)	48,82	42	6 млн.	Буквы «КМ» крупные, цифры года «96» сближены
1769	ХМ561/1СА2СПБТ1	гривенник (серебро)	2,75	18	2,5 млн.	Нет
1785	ХМ571СА2СПБ	гривенник (серебро)	2,85	18	3,3 млн.	Нет
1784	ХМ570СА2СПБ	15 копеек (серебро)	3,5	21	2,1 млн.	Нет
1768	ХМ2588СА210СПБТ1	20 копеек (серебро)	4,61	24	350 тыс.	Нет
1787	ХМ2585СА207СПБЯА	Полупол-тинник (серебро)	5,50	23,5	800 тыс.	Нет

Таблица 2

Сибирские монеты

Год чекан-ки	**Музейный шифр**	**Номинал**	**Вес (гр.)**	**Диа-метр (мм.)**	**Наличие особенностей**
1769	ХМ5143КМ	2 копейки (медь)	12,66	29	Ушки правового соболя расположены под буквой «и»
1770	2317/1 КМ	10 копеек (медь)	70,14	46	Не определяется
1770	ХМ 2317/268	5 копеек (медь)	37,26	35	Буквы «КМ» касаются вензеля
1770	ХМ 2317/270	5 копеек (медь)	28,78	36	Буквы «КМ» касаются вензеля

1770	ХМ 2317/269 КМ	5 копеек (медь)	27, 03	36	Неописанная разновидность: первые две цифры года (17) мельче, чем обычно
1770	ХМ 2317/271 КМ	5 копеек (медь)	29,90	35,5	Нет
1772	ХМ 23117/272 КМ	5 копеек (медь)	29,47	37	Нет
1773	ХМ 2317/273 КМ	5 копеек (медь)	39,04	36	Ушки левого соболя расположены под буквой «И»
1774	ХМ 2317/274 КМ	5 копеек (медь)	33,03	36	Не определяется
1774	ХМ 2317/275 КМ	5 копеек (медь)	37,06	37	Не определяется
1775	ХМ 2317/276 КМ	5 копеек (медь)	31,54	37	Шипы на вензеле короткие
1776	ХМ 2317/277 КМ	5 копеек (медь)	31,88	36	Не определяется
1778	ХМ 2317/278	5 копеек (медь)	27,57	36	Буквы «КМ» касаются вензеля
1778	ХМ 2317/279	5 копеек (медь)	37,03	36	Буквы «КМ» касаются вензеля
1778	ХМ 2317/280	5 копеек (медь)	33,02	35	Буквы «КМ» касаются вензеля
1779	ХМ 2317/281 КМ	5 копеек (медь)	28,82	37	Ушки правого соболя расположены в начале буквы «И»
1779	ХМ 2317/282 КМ	5 копеек (медь)	33,16	36	Ушки правого соболя расположены в начале буквы «И»
1779	ХМ1803КМ	1 копейка (медь)	6, 54	25	Конец хвоста левого соболя расположен между буквами «НЕ»

Как следует из таблиц, при Екатерине II наиболее предпочтительная монета для даров шайтанам – медный пятак. Обские угры старались «угодить» богам, жертвуя им не совсем обычные деньги. В этом же кладе в более поздний период встречаются монеты Гельсингфорсского и Варшавского монетных дворов. Одна из Варшавских монет оказалась копией находящегося там же оригинала, вероятно, выполненной специально для жертвоприношения, или «сбытой» хантам недобросовестными покупателями пушнины.

Использование монет первоначально не регулировалось шаманизмом, представлявший собой не столько религию, сколько жизненную философию. С одной стороны, шаманизм не затрагивал темы денежного обращения вообще, а с другой – и не запрещал его [Михайловский 2005, 62], однако в шаманизме есть правило: «Имущество, приносимое шайтанам [божествам], может быть взято нуждающимися и возвращено остяком в “хороший” год» [Мизгулин, Вычугжанин 2009, 243]. С введением денежного обращения драгоценные дары шайтанам резко возросли благодаря российским монетам, что исходило из ряда факторов религиозного и культурно-исторического характера.

Прежде всего, на деньгах было изображение геральдического орла, который наряду с медведем являлся одним из главных персонажей в религии обских угров. В частности, в фольклоре хантов существует несколько соответствующих мотивов: а) «мужчина пошел на охоту, семь раз хотел выстрелить в орла; орел попросил не пугать его, а убить сразу»; б) «мужчина забрал раненного орла домой и вылечил» и т. д. [Языки… 2016]. На некоторых монетах вогулы иногда просто оставляли орла, а другую сторону заклеивали бумагой – такие экспонаты сохранились в Музее Природы и Человека [Музей... Инв. № ХМ 628 «Не определяется»; ХМ 633/1 ЕМ и др.]. В ритуальных целях монеты орлом наружу использовались в качестве лиц для маленьких шайтанчиков. Если монеты не входили в предназначенную нишу, то их уменьшали в диаметре – срубали или спиливали [Музей... Инв. № МПиЧ, Инв. № ХМ 6194 ЕМ; ХМ 621/5 «Спилен»; ХМ 615/2 СМ и др.].

Монеты орлом вверх приклеивали к Священным бумагам, – здесь также сохранились многочисленные экспонаты [Музей... Инв. № ХМ 593 ЕМ-НМ; ХМ 605/1; ЕМ-ИК ХМ 605/2 ЕМ-ИК и др.]. Священными бумагами (Грамотами) считались и бумажные ассигнации, введенные Екатериной II. У народов, еще не создавших в тот период ни одного письменного источника, существовало сакральное отношение к бумагам (Грамотам) вообще. Как отмечает А. Я. Чеснов, это представление «…пронизывало всю хантыйскую ментальность. Вот верховное божество дает человеку “Золотую Грамоту” и другие указания в письменной форме. Человека, попавшего к лесному царю, спасает то, что с ним имелась Грамота (одним своим присутствием)» [Чеснов 1998, 360] и т. д. Кроме того, на ассигнациях Екатерины II присутствовал орел, поэтому у обских угров всегда был соблазн использовать их, изымая из оборота, в качестве оберегов.

Илл. 1. Шайтанчик с «лицом» из монеты Российской империи (опубликовано в: Монеты Российской империи из фондов музея Природы и Человека. Каталог монет / Авт-сост. В. А. Борноволоков, Л. А. Халтурина. Екатеринбург: Баско, 2009. С. 9)

Металл, из которого чеканились сибирские монеты, тоже имел для аборигенов сакральное значение. В частности, у верховного божества Торума «семиэтажный дом с золотыми дымоходами». Золотые монеты – не редкость в хантыйских кладах. В частности, у Казымской богини, которую вывезли в музей со священного места в 1961 г., было 96 золотых монет [Молданова 2016]. Одним из наиболее сакральных металлов у обских угров считается серебро, что связано прежде всего с его «белым» цветом (чистым, светлым), а также с издаваемым звоном, отпугивающим злых духов [Мифы... 1990, 82]. По данным исследователя Севера Н. Л. Гондатти, на святилищах хантов и манси находилось «по десяткам пудов старого серебра» [Гондатти 1886, 52].

Сакральным металлом была и красная медь, так как этот цвет в культуре народов Севера олицетворял жизнь.

В сибирской меди, из которой чеканилась местная момента, было много примесей золота и серебра (поэтому вес монет был меньше, чем в Европейской России), а потому они как нельзя лучше соответствовали представлениям аборигенов о жертвенных дарах шайтанам.

Кроме рассмотренных выше способов, денежное подношение богам проводилось еще в нескольких вариантах. Первый – монеты бросали на склон Священной горы или втыкали их в землю ребром; в условиях каменистой почвы иногда приходилось вбивать их в землю, в результате чего они деформировались. В Музее Природы и человека хранятся такие образцы [Музей... Инв. № ХМ 598 /2 КМ – АМ; ХМ 1861/3 СМ; ХМ 624 СМ и др.]. Второй вариант – прикладывание монет на священную лиственницу – вследствие чего встречаются монеты со специальным клеем [Музей... Инв. № ХМ 609/2 ЕМ-ФХ и др.]. Третий – укладывание монет по варианту кирпичной кладки. На Шаман-горе под Ханты-Мансийском сохранилось такое сооружение из 7 рядов монет: в нижнем из них – наименьшего достоинства, в верхнем – наибольшего [Монеты Российской империи… 2009, 11]. Это подчеркивало значимость числа «семь» в хантыйской и мансийской культурах: в частности, в шаманизме упоминается «семибездное небо», откуда спускаются боги [Мифы… 1990, 80]. Четвертый способ – монеты, завернутые в бересту, которая в шаманских представлениях была связана с переходом в потусторонний мир: берестяное полотнище подстилали под гроб. Считалось, что за берестяной перегородкой расположен загробный мир, и она отделяет умершего от живых, тем самым спасая их от негативного влияния и возможных болезней [Кулемзин, Лукина 2016]. Пятый способ жертвоприношений – помещение монет в дупла священных лиственниц. На Шаман-горе таких лиственниц было 10 [Монеты Российской империи 2009, 11].

Таким образом, денежная реформа Екатерины II не решила поставленных задач, но частично изменила религиозные ритуалы аборигенов. Шкурки животных по-прежнему использовались как эквивалент обмена, а лапки были «разменной монетой» [Tsys 2016, 601]. С декабря 1776-го по 1780 год в Променной конторе с капиталом в миллион рублей было обменено бумажных денег только на 10 тыс. По масштабу убыточности Тобольская променная контора лидировала среди 23 контор Российской империи [Мизгулин, Вычугжанин 2009, 32].

К этому времени уже были обработаны результаты этнографических экспедиций в Сибирь П. С. Палласа, И. П. Фалька, И. И. Георги, переизданы труды Г. Ф. Миллера, подробно характеризующих обычаи аборигенов, так что бесперспективность введения денежной системы на Севере стала очевидной. Кроме того, все исследователи подчеркивали миролюбивый характер вогулов и остяков, их политическую бесконфликтность и религиозную терпимость, что соответствовало новой политике Екатерины II – формировать в России конфессиональную толерантность [Bortnikova 2016, 17]. В 1788 г. Тобольская Променная контора была закрыта как не выполнившая своей задачи, а государственная политика в отношении аборигенов Севера претерпела изменения: прекратилась их христианизация. Указом от 6 марта 1789 г. «иноверческим начальникам» из

представителей родов вверялось «ближайшее управление по улусам и стойбищам»; управленцы из обских угров получили волостные печати; Екатерина II инициировала выдачу им Грамот на княжеское достоинство и наследственное управление [Конев 1995, 53]. Был принят ряд нормативных актов, защищающих аборигенов от произвола со стороны русского населения, а организация нового административного устройства отразила их социальную организацию и шаманские представления, – и все это на фоне расширения контактов аборигенов с иными конфессиональными группами региона.

Данные факторы свидетельствуют не только о стремлении государства урегулировать сбор ясака, но и о понимании значимости народов Севера для этнокультурного развития России, и о создании новых механизмов для включения их в социальную структуру общества. Такая управленческая концепция вписывается в выводы Н. Брейфогле о том, что с периода Екатерины II российская власть рассматривала свою империю как творческое пространство, когда «смешение народов и культур приводило к созданию новых форм и возможностей как в политике, так и в социально-культурной сфере» [Брейфогле 2008, 75].

На протяжении XIX в. аборигены постепенно включались в экономические отношения России, используя денежную систему все активнее. Однако после Екатерины II понимание значимости народов Севера для этнокультурного развития России снизилось; на рубеже XIX–XX вв. положение обских угров вообще не волновало государственную власть. Между тем ситуация требовала немедленного государственного вмешательства, так как шел процесс разрушения компонентов культуры аборигенов, что составляли ее главную ценность.

Негативное влияние шло, как это ни парадоксально, от банковской системы. По воспоминаниям этнографа К. Д. Носилова, «Широкий кредит, открытый торговлей г. Сибирякова, вогулов окончательно соблазнил… Мне рассказывали, что вогулы одной реки Сосьвы уже должны г. Сибирякову не один десяток тысяч рублей, когда все их имущество, вместе взятое, не стоит и десяти тысяч, и когда они все, вместе взятые, не в состоянии заплатить своими промыслами и пяти тысяч в год… Они смотрят на г. Сибирякова как на богатого человека; *богатый человек, по их понятию, должен кормить их и одевать в долг*, и они просят у него всего этого ежегодно, когда он проезжает, и, видимо, просят так, что он не в силах им отказать, хотя это идет в разрез с его коммерческими взглядами… Так как вогулы не платят и десятой части своих долгов, то он волей-неволей должен поднять цены на свои товары… Такая дороговизна, разумеется, еще больше губит вогулов… Мне говорили в этом крае, что вогулы стали из честных должников теперь явными мошенниками, что их обмен уже стал знать плутовство, что они уже и воры…» [Носилов 1904, 152–153].

На рубеже XIX – нач. XX вв. обские угры так и не смогли адаптироваться к развитию товарно-денежных отношений в регионе. В Музее Природы и Человека Сургутского р-на Югры сохранилась коллекция монет, поступившая с капищ обских угров [Монеты Российской империи… 2009, 12–206]. Их систематизация по нескольким хронологическим периодам позволяет проследить степень использования императорских денег в ритуальных целях (Табл. 3).

Таблица 3

Систематизация монет с капищ обских угров

Годы чеканки монет	Читаемый монетный двор (монеты, шт.)							Из них Сибирская монета (шт.)	Всего монет (шт.)	Среднее кол-во поступивших в клады монет за 1 год
	Колыванский	Екатеринбургский	Сузгунский	Санкт-Петербургский	Аннинский	Варшавский	Гельсингфорсский			
1721–1765		2		2					18	0,4
1766–1796	5	11		2	2			18	39	1,3
1797–1860	30	48	35	20	9	6			148	2,3
1861–1895		150		48					202	5,7
1896–1916				96			2		151	13,7
Итого за весь период (1721–1916)	**35**	**211**	**35**	**168**	**11**	**6**	**2**	**18**	**558**	**2,9**

Из содержания таблицы видно, что динамика накопления монет в угорских кладах была прямо пропорциональна развитию товарно-денежных отношений в регионе: чем дальше и активнее развивался рынок, тем больший объем монет поступал на шаманские капища. Даже с учетом возможной неполноты картины («займ» монет самими накопителями, кражи с капищ, наличие не разобранных экспонатов в музее и т. д.) тенденция достаточно определенная.

Деньги не были единственными ценными вещами в таких кладах. По археологическим данным, Югра «…представлялась исследователям этакими кладовыми, где на древних святилищах веками сохранялись блюда с изображениями сасанидских царей, согдийские кружки и кувшины с растительными орнаментами и фигурами персонажей зороастрийского пантеона, исламские серебряные бутыли и подносы с благопожелательными надписями» [Бортникова 2014, 36]. Одно такое золотое блюдо XIII в. с арабскими надписями, выполненное в восточном стиле, в 1897 г. для Тобольского губернского музея приобрела у аборигенов за символическую цену Археологическая миссия [Бортникова 2014, 37]. Хотя товарно-денежные отношения в регионе находились в расцвете, обские угры по-прежнему не знали даже приблизительной цены этой вещи.

В целом попытка вовлечения обских угров в финансовые отношения Российской империи привела к конфликту не просто культур, а экономических систем. Ханты и манси в течение веков существовали в экономике дарообмена, характерной для многих традиционных обществ. Ее главной особенностью было отсутствие цели получать прибыль, а экономические отношения регулировались на основе религиозных представлений, обычаев и морали. Дарообмен, будучи

основным экономическим принципом обских угров, обеспечивал устойчивость остальных компонентов культуры, и его деформация вызвала ослабление и даже разрушение традиционных представлений.

Экономика дарообмена обских угров ценна своей гуманитарной составляющей: она соответствует таким современным понятиям, как «социальная ответственность бизнеса» и «благотворительность», в основе которых заложены общие с угорской культурой принципы социальной справедливости, а политическая, национальная и конфессиональная бесконфликтность хантов и манси является образцом, особенно в сложных современных условиях. Все эти мировоззренческие установки могли быть безвозвратно утеряны вместе с исчезновением самого народа. Реальность такой угрозы показали события июля – августа 2016 г. в Ямальской тундре, когда из-за аномально высоких температур началась эпидемия сибирской язвы, и без вмешательства государства малочисленный народ оказался обречен, а его история навсегда могла закончиться.

ЛИТЕРАТУРА

Бортникова Ю. А. Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773–1991) / Дис. … к.и.н. Кемерово, 2014. 265 с.

Брейфогле Н. Устойчивый Imperium: Россия / Советский Союз / Евразия как мультэтническое, многоконфессиональное пространство // Ab imperio. 2008. № 1. С. 75–129.

Гондатти Н. Л. Следы языческих верований у маньзов // Труды этнографического Отделения и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. 7. М.: Изд-во Московского университета, 1886. С. 49–73.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. [Эл. ресурс]. URL: http://groh.ru/map/hant/hant.html#7 (дата обращения: 12.07.2016).

Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. 217 с.

Коньков Н. Л. «Имеет хождение в Сибири»: Из истории нумизматики и денежного обращения в Сибири. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2001. 131 с.

Мизгулин Д., Вычугжанин А. История банковского дела Югры. Тюмень: ИД «Слово», 2009. 483 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.

Михайловский В. М. Шаманство: сравнительно-этнографические очерки. Тюмень: Мандр и К°, 2005. 136 с.

Музей Природы и Человека с. Русскинское Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа (МПиЧ).

Молданова Т. А. Символическая функция металла в культуре хантов [Эл. ресурс]. URL: http://pandia.ru/text/80/075/11280.php (дата обращения: 12.07.2016).

Монеты Российской империи из фондов музея Природы и Человека. Каталог монет / Авт-сост. В. А. Борноволоков, Л. А. Халтурина. Екатеринбург: Баско, 2009. 208 с.

Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904. 255 с.

Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – начала XVIII в. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 237 с.

Полный Свод Законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. Т. 3. 1689–1699 гг. № 1529. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 696 с.

Сказание о земле Югорской / Под ред. Н. Л. Западнова Тюмень: ИФА «Тюмень», 2005. 208 с.

Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии: Учеб. пос. М.: Гардарика, 1998. 400 с.

Языки Обско-Енисейского языкового ареала. Фольклорный анализ тестов [Эл. ресурс]. URL: http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/folklore.htm#Человек и орел (дата обращения: 12.07.2016).

Bortnikova Yu. A., Naumenko O. N., Naumenko E. E. Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. Vol. 39. Is. 1. P. 14–21.

Bortnikova Ju. A. Genesis of the Muslim art culture in Western Siberia // Sibirica. 2012. Т. 11. № 2. С. 27–36.

Zarcone T. Les confréries soufies en Sibérie (XIXe siècle et début du XXe siècle) // En islam sibirien / ed. S. A. Dudognion. Paris, 2000. 206 p.

Lugat at turk. T. I. Istanbul, 1930. 122 p.

Neumann I. B. Russia as Central Europe´s Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. № 2 (30). P. 340–139.

Schiewer H. J. Leben unter Heiden: Leben unter Heiden Hans Schiltbergers türkische und tartarische Erfahrungen: Daphnis, 1992. 159 p.

Stralenberg Ph. J. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730. 422 p.

Frank A. J. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of the Baraba Tatars, 1740–1917 // En islam siberian. Paris, 2000. 351 p.

Tsys V. V. Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th – Early 20th Centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. Vol. 37. Is. 3. P. 595–601.

Поступила в редлакцию 17.03.2017

Науменко Егор Евгеньевич,
кандидат экономических наук, доцент,
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
e-mail: rony811@rambler.ru

E. E. Naumenko

The Experience of Catherine II for the Introduction of Monetary Circulation among the Indigenous Peoples of the Yugra North

The article examines the implementation of monetary reform among the peoples of Khanty and Mansi living in Yugra, and the results of the reform on the basis of documentary and numismatic sources. The author emphasizes that money was to replace the equivalent of animal skins exchange by the peoples of the North and put the vast illicit market of furs under the state control. The article provides the analysis of a collection of coins in the Museum of Man and Nature, the Surgut district, Yugra for the first time ever. On this basis the author has classified various types of ritual sacrifices of money and made a conclusion about the impossibility of a monetary reform implementation in that period without doing a mischief to the

Northern peoples' culture and identity. This was one of the reasons for the refusal to continue the reforms, and it changed the state's attitude to the culture of the peoples of the North.

Keywords: Monetary reform 1769, the Khanty, the Mansi, the Ob Ugric Voguls, Ostyaks, coins, banknotes, shamanism, Yugra.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2, pp. 107–120. In Russian.

REFERENCES

Bortnikova Ju. A. Gosudarstvennaya politika kak faktor evolyucii musul'manskoy hudozhestvennoy kul'tury Tyumenskogo regiona (1773–1991 gg.) [State policy as a factor of evolution of Muslim art culture of the Tyumen region (1773–1991)]. Dissertacija… k.i.n. Kemerovo, 2014. 265 p. In Russian.

Breyfogle N. Ustoichiviy Imperium: Rossija. Sovetskij Sojuz. Evrazija kak mul'tjetnicheskoe, mnogokonfessional'noe prostranstvo [Steady Imperium: Russia. Soviet Union. Eurasia as multetnichesky, multi-religious space]. Ab imperio, 2008, no. 1, pp. 75–129. In Russian.

Gondatti N. L. Sledy jazycheskih verovaniy u man'zov [Traces of the Manzovs' pagan beliefs]. Research of ethnographic Office and Society of fans of natural sciences, anthropology and ethnography at the Moscow University. Vol. 7. M.: Publishing house of the Moscow University, 1886. pp. 49–73. In Russian.

Kulemzin V. M., Lukina N. V. Znakom'tes': hanty [Get acquainted: the Khanty]. Novosibirsk: IN "Science", 1992. [El. resource]. URL: http://groh.ru/map/hant/hant.html#7 (date of the address: 12. 07. 2016). In Russian.

Konev A. Yu. Korennye narody Severo-Zapadnoy Sibiri v administrativnoy sisteme Rossiiskoy imperii (XVIII – nachalo XX vv.) [Indigenous peoples of the Northwest Siberia in a management system of the Russian Empire (XVIII – the beginning of the 20th centuries)]. M.: Institute of ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences, 1995. 217 p. In Russian.

Konkov N. L. «Imeet hozhdenie v Sibiri»: Iz istorii numizmatiki i denezhnogo obrashheniya v Sibiri. ["In circulation in Siberia": From the history of numismatics and monetary circulation in Siberia]. Tobolsk: the Revival of Tobolsk, 2001. 131 p. In Russian.

Mizgulin D., Vychugzhanin A. Istoriya bankovskogo dela Jugry. [History of banking in Yugra]. Tyumen: IDES "Word", 2009. 483 p. In Russian.

Mify, predanija, skazki hantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Khanty and Mansi]. Ed. N. V. Lukina. M.: Science, 1990. 568 p. In Russian.

Mikhaylovsky V. M. Shamanstvo: sravnitel'no-etnograficheskiye ocherki. [Shamanism: comparative and ethnographic sketches]. Tyumen: Mandr and K[a], 2005. 136 p. In Russian.

Muzej Prirody i Cheloveka [Museum of Nature and Man]. In Russian.

Moldanova T. A. Simvolicheskaja funkciya metalla v kul'ture hantov [Simbolic function of metal in the Khanty culture] [El. resource]. URL: http://pandia.ru/text/80/075/11280. php (date of the address: 12.07.2016). In Russian.

Monety Rossijskoj imperii iz fondov muzeja Prirody i Cheloveka. Katalog monet [Coins of the Russian Empire from the funds of the Museum of Nature and Man. Catalog of coins]. Yekaterinburg: Basco, 2009. 208 p. In Russian.

Nosilov K. D. U vogulov. Ocherki i nabroski [At the Voguls. Sketches]. St. Petersburg: Pabl. A. S. Suvorina, 1904. 255 p. In Russian.

Pesterev V. V. Organizaciya naseleniya v koloniziruemom prostranstve: Ocherki istorii kolonizacii Zaural'ja konca XVI – nachala XVIII v. [Organization of the population in the

colonized space: Sketches of history of colonization of Zauralie in the end of XVI – beginning of the 18th century]/ Kurgan: Publishing house Kurgan State University, 2005. 237 p. In Russian.

Polny Svod Zakonov Rossiiskoy imperii [Full Code of laws of the Russian Empire]. Meeting the 1st. Vol. 3. 1689–1699. No. 1529. St. Petersburg: Publ. II Offices Own his Imperial Majesty of Office, 1830. 696 p. In Russian.

Skazanie o zemle Jugorskoj [the Legend of the Ugra soil]. Ed. N. L. Zapadnov. Tyumen: IFA "Tyumen", 2005. 208 p. In Russian.

Chesnov Ya. V. Lekcii po istoricheskoy jetnologii: Uchebnoe posobie [Lectures on historical ethnology: Textbook]. M.: Gardarika, 1998. 400 p. [in Russian]

Jazyki, 2016 – Jazyki Obsko-Enisejskogo jazykovogo areala. Fol'klornyj analiz testov [Languages of the Ob and Yenisei language area. Folklore analysis of tests] [El. resource]. URL: http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/folklore.htm#Человек и орел (date of the address: 12.07.2016). In Russian.

Bortnikova Yu. A., Naumenko O. N., Naumenko E. E. Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917). Bylye Gogy. 2016. Vol. 39, Is. 1, pp. 14–21. In English.

Bortnikova Ju. A. Genesis of the Muslim art culture in Western Siberia. *Sibirica*, 2012, vol. 11, no. 2, pp. 27–36. In English.

Zarcone T. Les confréries soufies en Sibérie (XIX siècle et début du XX siècle). *En Islam Sibirien*. ed. S. A. Dudognion. Paris, 2000. Pp. 206–221. In French.

Lugat at turk. Vol. 1. Istanbul, 1930. 122 p. In English.

Neumann I. V. Russia as Central Europe´s Constituting Other. *East European Politics and Societies*, 1993, vol. 7, no. 2 (30), pp. 340–139. In English.

Schiewer H. J. *Leben unter Heiden: Leben unter Heiden Hans Schiltbergers türkische und tartarische Erfahrungen,* Daphnis, 1992. 159 p. In German.

Stralenberg Ph. J. *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia.* Stokholm, 1730. 422 p. In German.

Frank A. J. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of the Baraba Tatars, 1740–1917. *En Islam Siberian*. Paris, 2000. Pp. 351–362. In English.

Tsys V. V. Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th – Early 20th Centuries. Bylye Gody, 2015, vol. 37, Is. 3. P. 595–601. In English.

Received 17.03.2017

Naumenko Egor Evgenievich,
Candidate of Sciences (Economic), Associate Professor,
Tyumen State University
10, ul. Semakova, Tyumen, 625003, Russian Federation
e-mail: rony811@rambler.ru